

© 1991 г., СЭ, № 3

А. А. С и р и н а

**БЕРНГАРД ЭДУАРДОВИЧ ПЕТРИ
КАК ЭТНОГРАФ**

Дискуссия 1987 г. на страницах журнала «Советская этнография» о месте этнографии в системе наук, ее школах и методах, о предмете и объекте ее исследования констатировала, в частности, факт недостаточной разработки истории отечественной этнографии¹. Она напомнила известную в истории науки дискуссию начала XX в., которая явилась отражением многообразия взглядов на предмет, задачи этнографии, ее методы, что внешне выразилось в разном отношении мнений о самом названии науки². «Введение термина этнология вместо этнография, если бы доказаны были преимущества первого, могло бы быть делом соглашения», — утверждал более 70 лет назад Н. Могилянский³. В 30-е годы на известных всесоюзных съездах и конференциях это многообразие формирующихся научных школ и направлений в рамках единой науки о человеке было искусственно прервано⁴.

Сегодня во многих науках наблюдается возвращение к идеям начала — первой четверти XX в., их критическое, творческое осмысление. Это время достаточно плодотворное по своим конкретным результатам и объективно далеко идущим последствиям, явно недостаточно изучено в истории этнографии. Вот одна из основных причин, заставивших взяться за данное исследование. Внушительный список забытых в истории науки имен⁵ хотелось бы дополнить еще одним — профессора Иркутского университета этнолога Бернгарда Эдуардовича Петри.

Б. Э. Петри родился в 1884 г. в Берне (Швейцария). Можно сказать, что интерес его к этнографии был наследственным. Его отец, Э. Ю. Петри, известный русский антрополог, доктор медицины, вице-председатель Русского антропологического общества, в 1883 г. был приглашен Бернским университетом занять кафедру географии и антропологии. В 1887 г. семья возвращается в Петербург, где Э. Ю. Петри преподает в университете. Мать, Е. Л. Петри, всю жизнь отдала работе в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого как этнограф Академии наук.

В жизни Бернгарда Эдуардовича Петри ясно выделяются два основных периода: петербургско-петроградский (1884—1917) и иркутский (1918—1937). Последний, на наш взгляд, был наиболее плодотворным, но закончился трагически. По необоснованному обвинению в 1937 г. Б. Э. Петри был арестован и расстрелян (реабилитирован в 1956 г.). Архив ученого не сохранился, что крайне затруднило нашу работу. Возможно, именно по этой причине в историографической литературе нет практически ни одного исследования, посвященного анализу этнографических работ Б. Э. Петри, его методологическим принципам и научным методам. В своей статье мы вынуждены основываться на крайне разнородном архивном материале, а также на работах Б. Э. Петри, давно ставших библиографической редкостью.

Исследовательский интерес к фигуре этого забытого ученого определили следующие обстоятельства. Во-первых, феномен так называемой «иркутской

школы» народоведов, у истоков которой стоял Б. Э. Петри. Именно в Иркутске в 20-е годы определился круг научных интересов студентов Г. Ф. Дебеца, М. М. Герасимова, А. П. Окладникова. Из этой же школы вышли и «рядовые», не снискавшие высоких званий и мировой известности, но, судя по работам, не менее интересные ученые — Е. И. Титов, А. В. Попов, П. Г. Полтараднев и др. Во-вторых, как полевой этнограф, Б. Э. Петри изучал многие народы Прибайкалья. Библиография его работ по археологии и этнографии региона насчитывает более 40, причем диапазон научных интересов очень широк. Каков реальный вклад Б. Э. Петри в этнографию коренных народов Сибири?... Наконец, наше внимание привлекло сотрудничество ученого с Комитетом Севера.

Первый вопрос, который встал перед нами, это вопрос о мировоззренческой позиции и методологической концепции во взглядах ученого, формирование и эволюция которых происходили в сложный и интересный период в истории общества и науки. Научные взгляды Б. Э. Петри в основном сформировались в петербургский период его деятельности, главным образом в стенах Петербургского университета, который он окончил по отделению географии естественного факультета в первое десятилетие нового века. «Я... натуралист по образованию и дарвинист по методам исследования», — подчеркивал он в 1921⁶.

К началу XX в. в русской этнографии (в рамках научных обществ и музеев, где первоначально развивались этнографические научные исследования; в университетских центрах, где преподавание этнографии велось в контексте естественнонаучных дисциплин) господствовало эволюционистское направление. Особенностью русской этнографии, что, возможно, дает ключ к пониманию необычайной популярности эволюционистского направления в ее научных разработках, явилось то, что она зародилась и долгое время развивалась в рамках географической науки, в теснейшей связи с естествознанием*. Географическая наука в России прошла самостоятельный путь развития. Уже в XVIII в. ее характерной чертой был историзм. «Русская география в центр своего внимания поставила человека и стала изучать жизнь и деятельность населения при опоре на достижения естествознания»⁷. Этнография, выделившись в самостоятельную науку, не могла не испытывать тесной связи с географией, что выразилось в потребности создания смежной дисциплины — этногеографии, и первые попытки ее создания относятся именно к первой четверти XX в.⁸ Последовавшая в конце 20-х — начале 30-х годов критика преподавания этнографии в системе географических вузов, естественноисторических дисциплин, «пережитков географизма»⁹ привела к боязни исследователей «впасть в географический детерминизм»¹⁰.

Тесная связь этнографии с географией, другими естественными науками, успехи которых в конце XIX — начале XX в. казались грандиозными, и в частности дарвиновская теория эволюции, заставила представителей общественных дисциплин начать поиск естественнонаучных закономерностей в своих областях знания. Идея прогресса, постепенного и закономерного развития сочеталась с прямолинейностью схемы развития, метафизичностью, что не могло не произойти при механическом переносе теории эволюции о биологических процессах на социальные¹¹.

В Петербургском университете, где учился Б. Э. Петри, лекции по этнографии и антропологии в разное время читали профессора Э. Ю. Петри, Д. А. Коропчевский, Ф. К. Волков, которые считали этнографию входящей в цикл антропологических наук, «следуя за школой Брока во Франции, Вайца в Германии и Тайлора в Англии»¹². Сторонниками эволюционизма были также В. В. Радлов, В. И. Иохельсон, Д. Н. Анучин, Л. Я. Штернберг, другие

* К сожалению, феномен естественнонаучного направления конца XIX — начала XX в. в науках о человеке до сих пор не получил должного освещения.

ученые. Наибольшее влияние на формирование взглядов Б. Э. Петри оказал, по-видимому, Л. Я. Штернберг, талантливый ученый и педагог¹³. Эволюция в понимании Л. Я. Штернберга — это закономерность изменчивости явлений, а этнография — наука «о человечестве, как о едином»¹⁴. Предмет этнографии он видел в культуре народов «первобытных», отставших в своем развитии, а различия в культуре объяснял различиями историческими и географическими.

С 1910 г. Б. Э. Петри работает в Музее антропологии и этнографии Академии наук в качестве нештатного, а затем младшего этнографа. В это время укрепилась эволюционистская методология ученого. Фонды МАЭ являлись одним из богатейших собраний мира, и это давало широкую возможность сравнения, анализа, проведения каких-то обобщений на основе изучения материальных предметов, «памятников культуры» разных народов. Работая в МАЭ, он занимается проблемами, интерес к которым был характерен для классической эволюционистской этнографии, — историей брака и семьи и происхождением и развитием религиозных верований. Углубленные исследования в этих направлениях велись ученым среди бурят Западного Прибайкалья, к которым он выезжал по заданию Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в комплексные экспедиции 1912, 1913, 1916 гг.

Этнографические наблюдения в области социального строя и верований, антропологические измерения проводились среди кудинской, верхоленской, балаганской и аларской групп. Ученый отмечал обилие «необычайно интересного этнографического материала»¹⁶, на основе которого была написана работа «Семья и род у северных бурят», вышедшая отдельными главами в Иркутске¹⁷. Используя предания, легенды, родословные, собранные здесь, автор описал территориальное родство, внутриродовые отношения, брачные нормы бурят, сознательно уделяя основное внимание отысканию наиболее древних пережиточных явлений.

Предметом изучения для Б. Э. Петри вслед за эволюционистами старших поколений был человек и его культура (в частности, культура сибирских коренных народов). Причем, как и Л. Я. Штернберг, он исследовал преимущественно пережиточные явления в культуре, проявляя, таким образом, наибольший интерес к исторической этнографии. Б. Э. Петри постоянно придерживался взгляда на антропологию, археологию, этнографию как на тесно и неразрывно взаимосвязанные дисциплины, которые в совокупности могут помочь восстановлению ранних периодов человеческой истории, выявить историческое прошлое ныне живущих народов**, реконструировать их внешний облик, материальную и духовную культуру. Для Б. Э. Петри, как и для С. М. Широкогорова, археология была, по-видимому, необходимейшим методом, при помощи которого восстанавливалось прошлое современных этносов, т. е. решалась проблема этногенеза.

Метод работы, который ученый практиковал в экспедициях начала века, состоял в длительном стационарном наблюдении и опросе. Материал собирался в возможно более полном объеме: ученым проводились антропологические измерения, археологические раскопки, сбор этнографических экспонатов, делались записи легенд, преданий, родословных и т. д. Вначале он выезжает в экспедицию с В. А. Михайловым, бурятом по национальности, учившимся в Петербургском университете; затем понимает «все преимущества путешествия без спутников»¹⁸. Этнографам, когда-либо работавшим в поле, известно состояние, которое хорошо описал Б. Э. Петри в письме Л. Я. Штернбергу в 1913 г. из Западного Прибайкалья: «... должен однако признаться, что меня сильно тянет в Петербург. Надоел дым в юртах, грязь кругом, на теле и в пище..., переезды в тряских телегах, дождь, мелкие неудачи в пути... Но стоит только получить

** Работа «Доисторические кузнецы в Прибайкалье (к вопросу о доисторическом прошлом якутов)». Чита, 1923.

новые данные или узнать что-либо замечательное, как от минутного уныния не остается и следа»⁹.

В. В. Радлов, с 1894 г. директор МАЭ²⁰, сумел сформировать в музее сильный научный коллектив: В. И. Лемешевский, А. М. Мерварт, Э. К. Пекарский, С. М. Широкогоров, Л. Я- Штернберг, другие неординарные ученые. Заседания в Центральном отделе Русского географического общества, где присутствовали и выступали крупные ученые, работавшие и вне стен МАЭ, дискуссии о предмете этнографии и ее задачах, обсуждение научных докладов и сообщений — вся эта творческая атмосфера не могла не оказать влияния на становление ученого и вообще на всю его дальнейшую судьбу.

С 1918 г. жизнь и научная деятельность Б. Э. Петри связана с Иркутском, городом, где существовали давние научные традиции. В 1782 г. известным естествоиспытателем Э. Лаксманом в Иркутске был основан музей естественно-исторического и этнографического направлений, а с 1851 г. деятельно работал Сибирский (позже — Восточно-Сибирский отдел) Русского географического общества, снискавший себе уважение среди всех слоев населения изучением Сибири и Дальнего Востока, Монголии и Китая. Научная база отдела комплектовалась в основном за счет политических ссыльных, людей для своего времени прогрессивных и образованных, с разными научными взглядами, установками, интересами. Многие для развития науки также сделали нештатные сотрудники отдела.

Революционные события оказали огромное влияние на развитие этнографической науки в Сибири и на Дальнем Востоке. Не понимая, «куда несет нас рок событий», многие ученые стремились переждать их, не останавливая при этом своих научных занятий.

С 1918 г. Б. Э. Петри с женой, уроженкой Иркутска, «застрывает» здесь и оседает, как позже оказалось, навсегда. В это время в Сибири и на Дальнем Востоке в области этнографии работали многие известные ученые из Петрограда, Москвы, Казани и других городов. Во Владивостоке работали В. К. Арсеньев, А. М. Мерварт, С. М. Широкогоров, в Чите — М. К. Азадовский, В. Огородников, в Томске — С. И. Руденко, в Иркутске — Б. Э. Петри, Г. С. Виноградов. Этот период был чрезвычайно плодотворным для развития этнографии и может быть охарактеризован как период вливания новых научных сил, идей, методов в повседневную работу сибирских научных обществ.

В первое послереволюционное время этнографические исследования в Иркутске развиваются по двум основным направлениям. Первое — этнография русского старожильского населения Восточной Сибири (в области народного быта, духовной культуры, фольклора). Оно связано с именами Г. С. Виноградова и М. К. Азадовского, причем заслугой Г. С. Виноградова была разработка нового направления в этнографической науке в Сибири — этнографии детства. Второе направление имело классические эволюционистские истоки и понимало этнографию как науку, занимающуюся вместе с археологией, антропологией и другими смежными дисциплинами первобытной культурой отставших в своем развитии народов. Представителями данного направления были Б. Э. Петри и его ученики.

В течение первых 5 лет Б. Э. Петри не оставляет надежды вернуться в академию, как и А. М. Мерварт и С. М. Широкогоров, с которыми Б. Э. Петри поддерживал переписку. Наконец, в 1923 г. ученый пишет Л. Я- Штернбергу о своих летних работах (4 месяца в поле): «план плотно сомкнут личными связями и тем интересом и сочувствием, с которым местные люди относятся к моим исследованиям... Бросить все это и ехать в Музей, как Вы настаиваете, я не решаюсь... Прошу сохранить за мной высокое звание этнографа А. Н., которое я носил до сих пор и которым горжусь...»²²

В это время в Иркутске Б. Э. Петри развивает бурную деятельность по восстановлению прерванных революцией и войной научных занятий. В 1918 г. в Иркутске открывается первый в Восточной Сибири университет, где сразу

же учреждается кафедра первобытной культуры, и Б. Э. Петри читает курс лекций по истории первобытной культуры, иными словами, по этнографии коренных сибирских народов. При кафедре им был основан кабинет археологии и этнографии с библиотекой и музеем («мой милый кабинет археологии и этнографии, мое детище...»), при котором с 1919 г. работает студенческий научный кружок «Народоведение» (позже переименован в «Краеведение», — «то, что я в шутку называю „моя школа“»²³. Первым председателем кружка был этнограф Е. И. Титов, затем П. П. Хороших, позже А. П. Окладников. Здесь идет интенсивная подготовка молодых специалистов: «Рефераты компилятивного характера не допускаются. Заслушиваются исключительно доклады о собственных исследованиях»²⁴. Студенты выезжают в самостоятельные экспедиции. Статья и заметки, написанные на основе полевых материалов, публикуются в журнале «Краеведение». Другие издания этнографического направления в Иркутске — «Этнографический бюллетень ВСОРГО», «Сибирская живая старина».

Работа по этнографии велась в рамках созданного при Иркутском университете в 1923 г. Биолого-географического института, имевшего в своем составе этнологическую подсекцию²⁵.

В 1922 г. археологическая и этнографическая секции ВСОРГО сливаются в одну, этнологическую, где ведутся работы в области народоведения — по археологии, географии, антропологии, экономике, истории, этнографии²⁶. В 1924 г. на ее базе возникает палеоэтнологическая секция²⁷.

Краеведческие кружки и музеи возникают в это время при Педтехникуме, Доме работников просвещения не только в Иркутске, но в целом по губернии. На «местах» существовала целая «сеть корреспондентов»: С. В. Шарыпов, О. А. Монастырева, П. Н. Мочульский, М. Степанов и многие другие.

«Принципиальные установки советской этнографии в первые годы после Октябрьской революции представляли собой довольно пестрое смешение самых различных взглядов. Большинство их вело начало от дореволюционных лет»²⁸. Эволюция методологических принципов Б. Э. Петри в течение его научной и общественной карьеры была связана с влиянием марксистско-ленинской идеологии, национальным строительством. Этнография в послереволюционное время, с одной стороны, по-прежнему рассматривается Б. Э. Петри как наука, занимающаяся изучением первобытной культуры ныне живущих народов²⁹, а с другой — практическая деятельность по обследованию народов, получивших статус «малых» и нуждавшихся в практической помощи государства (их устройством занимался Комитет Севера, с которым Б. Э. Петри сотрудничал с 1925 г.), заставила ученого обратить пристальное внимание на этнографию современности и, в первую очередь, на область материальной культуры, хозяйства: «если раньше каждый новый добытый факт был тем ценнее и интереснее, чем больше следов давности таил он в себе, то теперь нас интересуют преимущественно те факты, которые дают ключ к правильному пониманию основных пружин,двигающих хозяйство туземцев»³⁰. В рассматриваемое время изменяется объект этнографического исследования: внимание переключается на отдельный этнос, этнографическую группу и в особенности на их материальную культуру. В единичных теоретических разработках ученого хорошо видна эволюция его взглядов на предмет и задачи этнографии. От сознания того, что его работы «лишены практического значения»³¹, до следующего высказывания: «... не пора ли закончить период исследований и приступить к реальному содействию»³².

Практические задачи этнографических исследований заставили разработать новую, отвечающую требованиям момента методику полевых этнографических исследований. Метод обследования целых народностей был найден опытным путем, апробирован в экспедициях, снаряжаемых и финансируемых Комитетом Севера, и в 1928 г. представлен для обсуждения на I Всесибирском краеведческом съезде³³. Это был метод обследования практически определенной обо-

собленной этнографической группы, какой были, например, тутуро-очеульские эвенки, окинские сойоты. Б. Э. Петри предлагал ввести плановость в этнографические исследования: «разбить» Сибирь на этнографические ячейки по географическому и национальному признакам и планомерно их изучать в соответствии с приемами статистико-экономических обследований: «в статистической оправе этнографические данные оживают и становятся реальными»³⁴. Обследование в экономическом отношении велось по выработанной ученым совместно с проф. М. К. Миротворцевым программе, рассчитанной «применительно к хозяйству малых народностей тайги»³⁵. Составление ее было продиктовано необходимостью получить однородный материал для лучшей возможности сравнения и анализа. Медико-санитарное обследование велось по программе проф. Н. М. Анастасиева; программа для охотоведа была разработана проф. В. Ч. Дорогостайским.

В соответствии с новым методом обследования в состав экспедиции входили помимо необходимого технического персонала, набравшегося на месте, этнолог-экономист, его помощник (этнограф), врач и его помощник, охотовед. Это давало возможность в сложных таежных условиях проводить так называемые кустовые экспедиции, захватывая обследованием и наиболее удаленные, труднодоступные районы. Б. Э. Петри по-прежнему оставался сторонником длительных экспедиций (3—4 мес.) с последующими выездами туда же, но в другое время и на более короткий срок для пополнения и уточнения собранных сведений.

Давая оценку новому методу обследования, нужно отметить, что он не расходился с эволюционистскими взглядами ученого. В конкретных сложных условиях, когда не хватало ни специально подготовленных кадров, ни средств, он имел положительное значение. Заклучая в себе методологические слабости, не учитывая культурных взаимовлияний и заимствований, рассматривая этнографическую группу как нечто замкнутое, он не мог не привести и к некоторым ошибочным выводам. По-видимому, как ученый-этнограф, он понимал, как далеко зашел процесс ассимиляции, например, у окинских сойот, но как общественный деятель и просто как человек не мог с этим примириться.

Географический ареал, который изучал Б. Э. Петри, охватывал Восточную Сибирь, Прибайкалье. «Все те народы, которые я изучал, расположены по склонам Саянского и Байкальского хребтов. Карагасы расположены по верховьям рек Уды, Ни, Бирюсы и Гутары. Дальше на восток по склонам Саян и в верховьях реки Оки живут сойоты. Дальше на восток идут буряты. Еще дальше по западному берегу Байкала и в верховьях р. Лены и Киренги живут тунгусы» ***.

В первые послереволюционные годы проф. Петри выезжает в экспедиции к западным бурятам для сбора материалов по шаманству. «Мы последние свидетели этого уходящего в вечность момента народной жизни. На нашей ответственности лежит его изучить и зафиксировать»³⁶. К изучению шаманства он подходил как этнограф-наблюдатель, добросовестно описывающий и фиксирующий явление. Б. Э. Петри занимали вопросы, связанные с процессом становления шаманов как служителей культа, степенями их посвящения. Его работы, вышедшие в Иркутске, дополняют и уточняют материалы М. Н. Хангалова³⁷. Ученому удалось зафиксировать процесс постепенного исчезновения шаманства у западных бурят. Очень интересны краткие записи о культовых сооружениях бурят (описание шаманской юрты «саган гыр»), Т. М. Михайлов, современный исследователь бурятского шаманизма, отмечал, что Б. Э. Петри «первым из этнографов попытался реконструировать религиозные представления древних неолитических жителей Прибайкалья, удачно увязав свои археологические изыскания с материалами этнографии». Интересно отметить, что в дальней-

*** Ученый не упомянул здесь о своих археолого-этнографических исследованиях в Северо-Западной Монголии, на берегах оз. Хубсугул (см. работу «Древности озера Косогол». Иркутск, 1924). См. также ГАИО. Ф. 1468. Оп. I. Д. 7.

шем небезуспешные попытки в этом направлении предпринял один из учеников Б. Э. Петри А. П. Окладников.

Ученый предполагал изучить шаманство с медицинской точки зрения с помощью психологов и психиатров: «как ни странно,— отмечал он,— сибирские врачи ни разу не попытались проникнуть в сущность шаманства и изучить с медицинской стороны то явление, которое этнографов интересует только с точки зрения религиозных переживаний первобытных народов»³. Именно в этой цели он уговаривает приехать на лекцию о шаманстве бурятского шамана М. Степанова и выступить перед аудиторией. Б. Э. Петри всегда стремился пробудить интерес у самого информатора к изучаемой проблеме, привлечь его к ее разрешению. Путем «длительной обработки» ученый заставил шамана «самостоятельно захотеть» записать бурятскую древнюю историю⁴⁰.

Если буряты постоянно привлекали внимание исследователя, то другие народности Б. Э. Петри изучал как полевой этнограф по заданию Комитета Севера после 1924. Он собирал данные по материальной культуре, землепользованию, хозяйственно-бытовым особенностям, проблемам современной этнографии и прогнозированию.

В 1925 г. ученый выезжает в Восточные Саяны к карагасам (тофаларам), горнотаежным охотникам-оленеводам. Об этой маленькой народности в литературе имелись крайне фрагментарные сведения (работы Н. Ф. Катанова, В. Н. Васильева, К. Н. Миротворцева, др.).

Вопросы экономического состояния хозяйства малых народов: «закуп-сбыт», бюджет, другие — разрабатывались исключительно по заданию Комитета Севера. По мнению Б. Э. Петри, они были очень скучными, и при других обстоятельствах ни один этнограф не стал бы такой материал собирать. Именно поэтому он явился «очень полным и единственным в своем роде»⁴¹. Вслед за Н. Ф. Катановым был дан состав тофов по родам, описан характер землепользования (Б. Э. Петри первым из этнографов заметил, что промысловые угодья разделялись между патронимиями. Позже С. И. Вайнштейн установил, что в патронимии могли входить представители разных фамилий)⁴², составлены сравнительные таблицы численности тофов (в сравнении с данными проф. Миротворцева), подробно описаны охота и оленеводство⁴³.

Еще одна обследованная Б. Э. Петри по заданию Комитета Севера этнографическая группа — окинские сойоты, также горнотаежные охотники-оленеводы, переживавшие процесс ассимиляции окинскими бурятами. Около полугода провел в общей сложности среди окинских сойотов ученый. Используя свой метод обследования, он изучил практически все хозяйственные группы сойот, обобщив собранные сведения в статистических таблицах. Фактически он зафиксировал процесс смены хозяйственно-культурных типов у этой этнографической группы, и то, в каких направлениях он развивался⁴⁴.

В 1928 г. ученый выезжает в экспедицию к тутуро-очеульским эвенкам, небольшой этнографической группе, населяющей верховья р. Лены и ее притоков. Издавна эта группа эвенков испытывала тесные иноэтнические контакты (с бурятами, русскими) и ко времени первой четверти XX в. также частично начала переходить на оседлость. Собранный среди этой группы материал практически однотипен материалам из предыдущих экспедиций и обобщен в работе «Охота и оленеводство у тутурских тунгусов в связи с организацией охотхозяйства». Работа проливает свет на малоисследованную группу эвенков.

Подводя итоги научной и практической деятельности Б. Э. Петри в эти годы, следует отметить, что сотрудничество с Комитетом Севера позволило ввести в научный оборот новые данные по хозяйству и материальной культуре прежде малоисследованных народностей тайги. Кроме того, оно повлияло на взгляды ученого. Если раньше он подходил к изучаемым народам только как ученый-наблюдатель, то теперь он мог давать практические рекомендации, однако в уже заданных рамках. В этом, по-видимому, и состояла его научная трагедия. Он обостренно чувствовал свою личную ответственность за дальней-

шую судьбу изучаемых им народов: «Эта своеобразная индустриализация наших туземцев — опыт, крайне опасный. Он требует большой осторожности... От наших изучений вправе ожидать точных данных...»⁴⁵. Опасения ученого не были напрасными, как показало будущее. С. М. Широкогоров еще в 1922 г. говорил о законе равновесия культуры, который заключался в том, что если нарушить связь между различными элементами этнографических комплексов, благодаря которой, собственно, и существует культура как таковая, то разрушается и вся культура. По мнению С. М. Широкогорова, культура может изменяться лишь с сохранением равновесия, «плавучести»⁴⁶.

Пытаясь в рамках социального заказа сохранить это равновесие, Б. Э. Петри пришел к выводу, что малые народы тайги в своем культурном развитии при переходе к оседлости должны остаться охотниками. Второй основой «туземного хозяйства», по его мнению, должно было стать коллективное оленеводство, по примеру окинских сойот. Увидев в эволюции хозяйства сойотов этап, который, по мнению ученого, рано или поздно должен был быть пройден и другими малыми народами тайги при переходе их на оседлость и полuosедлость, Б. Э. Петри решается рекомендовать взять за основу сойотский опыт для переустройства (читай — перевода на оседлость) других исследуемых народов. Подобное решение не расходилось с эволюционистскими взглядами ученого⁴⁷. Культбаза мыслилась им как центр охотхозяйства, хозяйственное предприятие, поставленное на принципы хозрасчета и самоокупаемости⁴⁸.

Вместе с тем у Б. Э. Петри имелось множество противоречивых высказываний, а то и просто неверных положений. Он не видел и не хотел видеть положительных моментов в культурном и хозяйственном обмене местного населения с другими народами, и прежде всего с русским. В определенной степени он идеализировал изучаемые народы. Это был человек с увлекающейся, горячей натурой. «В Тофаларии до сих пор поминают добрым словом этого умного, чуткого и энергичного человека»⁴⁹.

Еще со времени работы в Музее антропологии и этнографии Б. Э. Петри придавал большое значение собирательской работе. В письме к Л. Я. Штернбергу из своей первой экспедиции в Прибайкалье он писал: «хотелось бы... пойти в Музей и приняться за работу, которую я так люблю: регистрировать коллекции, определять вещи, писать каталог...»⁵⁰. Практически во всех экспедициях ученый собирал этнографические коллекции, хранящиеся сейчас в МАЭ в Ленинграде и в фондах Иркутского краеведческого музея. Собранные им коллекции уникальны. Они характеризуют те этнографические группы, которые в настоящее время сильно ассимилированы и практически утратили свою традиционную культуру. В работе «Народное искусство в Сибири» Б. Э. Петри писал: «нельзя... однако вещи просто брать с места и присылать в музей. Отрывая их навсегда от родной им среды, о них следует дать все сведения, которые только можно собрать»⁵¹. Ученый сам регистрировал свои сборы в описях иркутского музея, всегда торопливым летящим почерком, но также всегда с научной тщательностью и точностью: указывая название вещи на языке того народа, которому она принадлежала; место, где была приобретена, куплена или найдена (подарена); если покупка, то указывалась цена; делались зарисовки — одним словом, в музейных условиях воспроизводилась подробная полевая легенда.

Экспонаты оформлялись ученым как источники будущих научных обобщений. Необходимо отметить принцип комплексности в формировании коллекций. Состав их, собранный у разных этносов, фактически идентичен по набору экспонатов, что позволяет предположить неслучайный характер этого явления. По-видимому, ученый так стремился подобрать материал, чтобы впоследствии была возможность сравнить развитие культур соседних народов, провести, быть может, определенные аналогии с археологическими материалами.

Музей для Б. Э. Петри не был хранилищем мертвых экспонатов, он рассматривался им как живой организм, в котором сочеталась научная, собиратель-

екая, просветительская и педагогическая деятельность. Ученый считал, что рост музеев напрямую связан с кадрами, которые рассматривал как большую культурную ценность⁵².

Главное, что было сделано Б. Э. Петри в Сибири,— это создание на фоне активизации научных работ в области этнографии и археологии местной школы этнологов, народоведов. В Иркутске ученому удалось собрать заинтересованную молодежь и привить ей глубокий, устойчивый интерес к этнологии. Объективно для этого в Иркутске была подготовлена почва прежними исследователями. Получив мощный творческий потенциал в столице, выходец из петербургско-петроградской этнографической школы Б. Э. Петри был носителем новых мыслей, идей, методов, наконец, энергии, необходимой для организационных работ. Он перенес на сибирскую землю то, что было наиболее жизнеспособным в местных условиях. Характерной чертой этой школы был широкий диапазон научных интересов, работа на границах смежных дисциплин. Среди учеников Б. Э. Петри — археологи, антропологи, экономисты, этнографы, геологи... Работы его учеников в 40—50-е годы посвящены таким сложным проблемам, как этногенез современных нам этносов (узбеки, туркмены) по данным археологии, палеоантропологии, антропологии; проблемам заселения отдельных регионов; реконструкции социального строя, этнической истории современных народов. Ученики Б. Э. Петри в свою очередь дали начало новым научным направлениям, методам и оказали большое влияние на развитие науки в целом.

Настоящая работа является первой попыткой рассмотреть и дать оценку многогранной деятельности проф. Б. Э. Петри в области сибирской этнографии и как таковая не претендует на всю полноту и окончательность выводов. Будем надеяться, что сложные вопросы истории науки еще найдут внимательных исследователей.

Примечания

¹ Бромлей Ю. В., Крюков М. В. Этнография: место в системе общественных наук, школы, методы // Сов. этнография (далее — СЭ). 1987. № 3. С. 45—60; Вайнштейн С. И. Историческая этнография в структуре этнографической науки // СЭ. 1987. № 4. С. 77—82; Решетов А. М. О совершенствовании методов этнографической науки // СЭ. 1987. № 5. С. 61—66.

² Бартольд В. Хроника. XII съезд русских естествоиспытателей и врачей в Москве // Живая старина. 1910. Вып. 1—2. С. 176—179; Живая старина. 1916. Вып. 2—3. С. 1—11; Могиланский Н. М. Предмет и задачи этнографии // Живая старина 1916. Вып. 1.

³ Могиланский Н. М. Указ. раб. С. 9.

⁴ Кагаров Е. Г. Пределы этнографии // Этнография. 1928. № 1.

⁵ Решетов А. М. О совершенствовании методов этнографической науки // СЭ. 1987. № 5. С. 61.

⁶ Петри Б. Э. К вопросу об изучении шаманства (по поводу приезда шамана Степанова в Иркутск) // Власть труда. 1922. № 299.

⁷ Саушкин Ю. Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. М., 1980. С. 41.

⁸ Богораз-Тан В. Г. Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии. М., Л.; 1928.

⁹ Маторин Н. М. Современный этап и задачи советской этнографии // СЭ. 1932. № 1—2.

¹⁰ Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. К 100-летию кафедры этнографии в Казанском университете // СЭ. 1989. № 4.

¹¹ Токарев С. А. История русской этнографии (до 1917 г.). М., 1966.

¹² Могиланский И. М., Указ. раб. С. 13.

¹³ Архив Ленинградского отделения Акад. Наук (далее — АЛОАН). Ф. 282. Оп. 2. Д. 227. Л. 2.

¹⁴ Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа // СЭ. 1971. № 2. С. 137.

¹⁵ АЛОАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 227. Л. 204.

¹⁶ Отчет о командировке Б. Э. Петри и В. А. Михайлова // Изв. Рус. Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1913. Сер. II. № 2. С. 102.

¹⁷ Петри Б. Э. Территориальное родство у северных бурят // Изв. БГНИИ при Иркут. гос. ун-те. 1924. Т. I. Вып. 2; его же. Элементы родовой связи у северных бурят // Сибирская живая старина. 1923. Вып. 2; его же. Брачные нормы у северных бурят. Иркутск, 1924; его же. Внутриродовые отношения у северных бурят. Иркутск, 1925.

¹⁸ АЛОАН. Ф. 142. Оп. I. (до 1918 г.). Д. 65. Л. 377.

¹⁹ Там же. Л. 378.

²⁰ Вайнштейн С. И., В. В. Радлов и его труд «Из Сибири» // Радлов В. Из Сибири. М., 1989.

- ²¹ Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. Л., 1978.
- ²² АЛОАН. Л. 15, 16. Ф. 282. Оп. 2. Д. 227.
- ²³ Там же. Л. 14.
- ²⁴ Петри Б. Э. Этнография и современность // Наука и труд. 1927. С. 7, 11.
- ²⁵ Деятельность биолого-геогр. НИИ в 1923//24 гг. // Изв. БГНИИ. 1926. Т. 2. Вып. 3.
- ²⁶ Гос. архив Иркут. обл. (далее — ГАИО). Ф. 565. Оп. 1. Д. 15.
- ²⁷ ГАИО. Ф. 565. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.
- ²⁸ Токарев С. А. Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 — середина 1930-х годов) // Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. 1971. Вып. V. С. 115.
- ²⁹ Петри Б. Э. Этнография и современность. С. 7, 11. Иркутск, 1927.
- ³⁰ Там же. С. 11.
- ³¹ АЛОАН. Л. 15. Ф. 282. Оп. 2. Д. 227.
- ³² Петри Б. Э. Карагасский суглан. Иркутск, 1927. С. 38.
- ³³ Петри Б. Э. Задачи дальнейшего обследования туземцев Сибири и метод обследования целых народностей // Тр. Первого Сиб. краев. н.-и. съезда. Новосибирск, 1928. Т. 5.
- ³⁴ Петри Б. Э. Бюджет карагасского хозяйства. Иркутск, 1928.
- ³⁵ Петри Б. Э. Программа для составления подворных описей и бюджетов применительно к малым народностям тайги. Иркутск, 1926.
- ³⁶ Петри Б. Э. К вопросу об изучении шаманства (по поводу приезда шамана Степанова в Иркутск) // Власть труда. Иркутск, 1922. № 2.
- ³⁷ Петри Б. Э. Школа шаманов у северных бурят // Сб. тр. проф. и преп. Иркут. ун-та. 1923. Вып. 5.
- ³⁸ Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск, 1980. С. 31.
- ³⁹ Петри Б. Э. К вопросу об изучении шаманства.
- ⁴⁰ АЛОАН. Л. 13. Ф. 282. Оп. 2. Д. 227.
- ⁴¹ Петри Б. Э. Бюджет карагасского хозяйства.
- ⁴² Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII—начало XX в.). М., 1970. С. 311.
- ⁴³ Петри Б. Э. Карагасский суглан; его же. Оленеводство у карагас. Иркутск, 1927; его же. Охотугодя и расселение карагас // Сб. тр. проф. и преп. Иркут. ун-та. 1927. Вып. 13; его же. Этнографические исследования среди малых народностей в Восточных Саянах (предварительные данные). Иркутск, 1927; его же. Промыслы карагас. Иркутск, 1928.
- ⁴⁴ Петри Б. Э. Этнографические исследования...
- ⁴⁵ Петри Б. Э. Карагасский суглан. С. 2.
- ⁴⁶ Широкогоров С. М. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток, 1922.
- ⁴⁷ Петри Б. Э. Этнографические исследования...
- ⁴⁸ Петри Б. Э. Проект культбазы для малых народов в Сибири. Томск, 1928.
- ⁴⁹ Красник В. В краю оленьих троп. Иркутск, 1985. С. 32.
- ⁵⁰ АЛОАН. Л. 378. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 65.
- ⁵¹ Петри Б. Э. Народное искусство в Сибири (вопросы собирания и изучения). Иркутск, 1923. С. 8.
- ⁵² Петри Б. Э. Областной музей и его организация на демократических началах. Иркутск, 1921.